

На правах рукописи

Трусов Михаил Александрович

**Институциональные особенности регулирования
международных отношений в современной России**

Специальность 23.00.02 – Политические институты, процессы и
технологии

Автореферат диссертации на соискание ученой степени
кандидата политических наук

Екатеринбург – 2014

Работа выполнена на кафедре теории и истории политической науки федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина».

Научный руководитель:
доктор политических наук, доцент **Чесноков Алексей Сергеевич**.

Официальные оппоненты:

Рязанцев Сергей Васильевич, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, ФГБУН Институт социально-политических исследований РАН, руководитель Центра социальной демографии и экономической социологии.

Ильченко Михаил Сергеевич, кандидат политических наук, ФГБУН Институт философии и права УрО РАН, научный сотрудник отдела философии.

Ведущая организация: ФГАОУ ВПО «Дальневосточный федеральный университет».

Защита состоится 19 декабря 2014 г. в 12 часов 00 минут на заседании диссертационного совета Д 212.285.18 на базе ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина» по адресу: г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51, зал заседаний диссертационных советов, комн. 248

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина», <http://dissovet.science.urfu.ru/news2/>

Автореферат разослан « ____ » _____ 2014 г.

Ученый секретарь диссертационного совета,
кандидат политических наук, доцент

А.А. Керимов

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДИССЕРТАЦИИ

Актуальность исследования.

Функционирование федеративных «многонациональных» или «многоэтнических» государств неизбежно сопряжено с необходимостью предотвращения этнонациональных конфликтов, с противостоянием сепаратистским тенденциям, с формированием такой стратегии межнациональных отношений, которая отвечала бы существующим государственным и общественным интересам и определяла бы перспективный курс развития страны. Внутригосударственные политические процессы в условиях многонационального государства обладают особым измерением, затрудняющим планирование и принятие решений, а порой и раскалывающим государство по этнонациональному признаку.

Россия обладает обширной практикой в деле конституирования многонационального государства, состоящего, в том числе, из национальных территориальных субъектов с разноэтническим населением. Учитывая относительную уникальность проблемных моментов для каждой страны, особенно полезно выделить основополагающие признаки конкретной институциональной среды, а также ключевые «болевы точки», которые при неблагоприятном развитии событий могут стать конфликтогенными факторами или, в крайнем случае, факторами разделения страны по национальному или этническому признаку.

Исследовательская работа и рефлексия на тему возможных путей развития, позволяющих обойти потенциальные кризисные ситуации, должна вестись, несмотря на неполную её востребованность государственным аппаратом, зачастую весьма консервативным и стремящимся продолжать использование однажды избранного подхода и набора основополагающих принципов.

Объектом исследования являются межнациональные отношения, имеющие место в рамках многонационального государства (на примере Российской Федерации).

Предметом исследования выступает специфика институционального регулирования межнациональных отношений на уровне государства и гражданского общества.

Целью работы является анализ эффективности функционирования институтов государственного и общественного регулирования внутригосударственных межнациональных отношений и выделение наиболее перспективных способов такого регулирования.

Задачи, поставленные для реализации указанной цели, следующие:

- Изучить ход исторического развития и современные трактовки терминов «этнос» и «нация», составить авторское определение обоих понятий.

- Исследовать картину межнациональных и межэтнических отношений с точки зрения институционального подхода, найти точки соприкосновения представленного категорией «этносов» или «нации»\«наций» общества и государственного аппарата, сформировать авторское определение понятия института.

- Выявить противоречивые и конфликтные тенденции в сложившихся российских институциональных практиках государственного регулирования в сфере межнациональных отношений.

- Проанализировать и выделить особенности общественного регулирования внутригосударственных межнациональных отношений со стороны институтов гражданского общества и местного самоуправления.

Степень изученности проблемы.

Начало исследования термина «этнос», постепенный отказ от понятий «род» и «племя» в пользу более единообразной терминологии было положено этнографами, культурологами и социологами, придерживавшимися примордиалистских взглядов на этнос (С.М. Широкогоров, Дж. Фрезер, Э. Тайлор, Л. Морган, Г. Спенсер). Этнография преимущественно рассматривала примитивные этносы в рамках изучения первобытной культуры и основ человеческого общежития. Важным развитием этих исследований стали дуалистическая концепция этноса Ю.В. Бромлея и пассионарная теория

Л.Н. Гумилева, отстаивавшие разные точки зрения своих авторов. Иной подход к вопросу «этнических групп» представлен в работах М. Вебера, рассматривавшего их как элемент социальной самоидентификации. П. Бергер и Т. Лукман, а также И. Валлерстайн создали собственные определения этносов и этнических групп, усилив их конструктивистскую составляющую.

Примордиальные концепции изучения нации рассматривались Э. Ренаном, И.-Г. Фихте, Ф. Листом и Э.-Ж. Сийесом. Своеобразные и заслуживающие изучения определения понятия нации были также представлены И.В. Сталиным, различными специализированными словарями и лексиконами. Некоторые аспекты политической практики организации нации раскрывали в своих работах Э. Гидденс, Дж. Бройи, М. Вебер. Больше внимание конструктивистской составляющей понятия уделили К. Хайес, М. Манн, Г. Кон, Л. Гринфельд, К. Калхун, Э. Хобсбаум. Одним из классических авторов-конструктивистов считается Б. Андерсон.

Понятие политического института в ходе развития гуманитарных наук рассматривалось такими исследователями, как Т. Гоббс, М. Вебер, Э. Дюркгейм и Д. Норт. Стоит отметить также труды Дж. Коммонса, Дж. Гэлбрэйта, Р. Хейлбронера, Д. Эренфельда, Э. Остром и С.В. Патрушева. В основу школы «старого» институционализма, занимавшейся исследованием феномена оформленного в правовом поле формального института, легли работы В. Вильсона, Дж. Брюса, Т. Коула, Г. Картера, К. Фридриха. Впоследствии этот подход сменился неoinституционализмом, к которому причисляют Дж. Марча и Дж. Ольсена, Л. Закера, Дж. Майера и Б. Ройана.

Вопросами государственной национальной политики в России занимались В.Ю. Зорин, В.А. Тишков, В.В. Путин, Р.Г. Абдулатипов, Г.И. Зверева, А.Ю. Шадже, М. Ким, А.Ю. Коркмазов, Н.Г. Денисов, С.Р. Дерябина З. Жаде, Е. Куква.

Изучены также стенограммы заседаний официальных органов, подготовленные ими справки и доклады, федеральные и региональные концепции межнациональных отношений, программы политических партий.

Методологическая основа исследования.

В ходе исследования были использованы следующие методы: институциональный метод, отдающий приоритет анализу функций и деятельности политических институтов (нации, государственных органов, политических партий и общественных организаций), а также сравнительный метод, прогностический метод, экстраполятивный метод.

Научная новизна исследования заключается во введении в научный оборот авторских подходов к определениям этноса, нации и политического института, выделение двух разнонаправленных тенденций в концептуальном обосновании регулирования межнациональных отношений, а также в обозначении особенностей способов государственного и общественного регулирования внутригосударственных межнациональных отношений.

На защиту выносятся следующие основные положения:

- Исходя из научной парадигмы конструктивизма, под «этносом» следует понимать сообщество, объединяемое воспроизводимыми моделями поведения, а также общим местом проживания, биологическими, культурными и лингвистическими особенностями, а под «нацией» – образуемое на этнической основе динамическое сообщество, объединяемое и определяемое политическими и символическими результатами рационального выбора.
- В рамках изучения феномена нации можно успешно использовать понятие института, определяемого как элемент социальной и политической структуры общества, опирающийся на юридические нормы и общественные конвенции, и институциональный подход, в рамках которого нация как воображаемое сообщество в общественной и политической сфере ограничена рамками институциональной среды, соглашений и практик, очерчивающих рамки допустимого.
- Исключительно государственное регулирование межнациональных отношений не является самым эффективным. Нередко государственный аппарат не в полной мере справляется с крайне важным процессом

централизованной поддержки четкой и единой концепции, а также выстраиванием системы соответствующих государственных органов, работающих с различными аспектами внутригосударственной межнациональной политики.

- Институты, занимающиеся общественным регулированием внутригосударственной национальной политики (например, партийный аппарат), нередко оказываются гораздо эффективнее в плане выражения интересов различных наций – это происходит благодаря прямой передаче совершенного населением рационального выбора на уровень федеральных или местных политических структур.

Научно-практическая значимость результатов диссертационного исследования заключается в привлечении повышенного внимания исследователей и политиков к текущим и возможным будущим проблемным аспектам, связанным со сложившейся практикой государственного регулирования на межнациональных отношениях, а также в предложении новых путей общественного воздействия на такие отношения.

Апробация исследования.

По результатам исследования опубликовано 8 статей. Три из них размещены в изданиях, рекомендованных ВАК. Отдельные положения работы освещались на следующих конференциях: Пятая международная научно-практическая интернет-конференция «Общество и этнополитика», организованная в рамках научного направления Сибирского института-филиала РАНХиГС при Президенте РФ; Бердянская сессия I Всеукраинской научно-практической конференция с международным участием «Приднепровские социально-гуманитарные чтения», прошедшей в Бердянском государственном педагогическом университете; Всероссийская молодежная научная конференция, проходившая 5-7 сентября 2012 года в Омском государственном университете. Ключевые положения диссертации обсуждались на заседании кафедры теории и истории политической науки Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина.

Структура работы.

Работа состоит из введения, двух глав, разделенных на параграфы, заключения, списка литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **введении** обоснована актуальность темы, определены объект и предмет, поставлены цель и задачи, показана теоретико-методологическая база и научная новизна диссертации, сформулированы основные положения, выносимые на защиту, приведены сведения об апробации результатов исследования.

В первой главе «Теоретические и институциональные аспекты анализа межнациональных отношений» раскрывается содержание понятий «этнос» и «нация», а также концепция политического института в контексте изучения межнациональных отношений в многонациональном государстве.

Первый параграф, «Концептуальное содержание понятий «этнос» и «нация» в контексте политической науки», посвящен процессу формирования современного подхода к вопросу этноса и нации, выделению в его рамках двух главных течений. Основными научными школами, исследовавшими понятия этноса и нации, можно считать эволюционизм и конструктивизм. Эволюционизм, будучи исторически более ранней идеей, в значительной степени опирается на труды этнографов и исследователей культур примитивных народов. Отправной точкой эволюционизма можно считать примордиализм – этнос согласно этой теории выступает изначальным и постоянным объединением людей с неизменными признаками. В русской научной литературе одним из основателей данной школы является С.М. Широкогоров. Продолжали развитие этнографического направления примордиалистской школы такие ученые, как Дж. Фрезер, Э. Тайлор, Л. Морган, Г. Спенсер. Этнография преимущественно рассматривала примитивные этносы в рамках изучения первобытной культуры и основ человеческого общежития. Однако сформировавшееся именно в работах

учёных этой школы понятие этноса стали развивать исследователи из сферы политических наук.

Ю.В. Бромлей, один из основоположников дуалистической концепции этноса, отмечает неременную связь представителей одного этноса и, следовательно, разграниченность этносов, а также их устойчивость и наглядность. Дуалистическая теория соединяет понятия этноса и нации посредством термина «этносоциальный организм» или «этносоциальная общность», уже подразумевающего некое проявление воли входящих в неё людей и влияние этой воли на организацию данной структуры. Важной отечественной теорией этноса, развивающейся в русле примордиализма, является пассионарная теория, связанная, прежде всего, с именем Л.Н. Гумилёва. Согласно его теории, этнос, подобно языку, не является социальным явлением и может существовать в разных формациях, служа при этом маркером, отделяющим одну совокупность людей от другой. М. Вебер рассматривал этничность как элемент социальной самоидентификации, один из маркеров, позволяющих отделять «своих» от «чужих», носящих, в данном случае, весьма субъективный характер. Это, безусловно, можно считать конструктивистской теорией, в корне отличающейся от многих указанных выше положений. Осмыслив эти концепции, этнос можно определить как сообщество, объединяемое воспроизводимыми моделями поведения, а также общим местом проживания, биологическими, культурными и лингвистическими особенностями.

Не менее важным всегда считался вопрос о сущности и происхождении нации. С точки зрения примордиалистской школы нация выступает выражением политической воли этноса, логическим развитием глубинной этнической характеристики в поле политического действия. У истоков примордиальной модели изучения нации стоял Э. Ренан. Однако примордиалистские теории, в целом, представляются нам достаточно ограниченными и политически ангажированными. Существует ряд весьма широких определений, в той или иной степени не устраивающих нас своей

многозначностью и отсутствием необходимых акцентов – следует рассмотреть концепции нации, более тесно связанные с политической практикой ее организации как института. Согласно работам Э. Гидденса, нация является «общностью, существующей на чётко ограниченной территории, которая подчиняется единой администрации, рефлексивно контролируемая внутригосударственным аппаратом и аппаратами других государств». Применяя свою концепцию социального действия, М. Вебер утверждает, что нация консолидированно стремится к определённой единой цели, проявляя при этом особый тип поведения и совершая тем самым некоторое действие – рациональный выбор. Консолидирование нации не обязательно занимает долгое время, а общая цель нации лежит именно в сфере политики. Кроме того, Дж. Бройи говорит о том, что «Люди стремятся быть членами общности, иметь твёрдое чувство различия между “нами” и “ними”, территории как родины, принадлежности к культурно определённым и ограниченным мирам, которые наполняют их жизни смыслом»¹. В трактовке нации авторства М. Манна мы находим мысль об изменчивости и социальной избирательности нации, дополняющую теории прочих исследователей о важности сознательного выбора и сознательной самоидентификации для интеграции субъекта в тело нации. Согласно труду Л. Гринфельд «Национализм», ядро национального принципа может быть индивидуалистическим – «в существующей верховной власти отдельных личностей подразумевалась верховная власть народа»² – или коллективистским – в таком случае национальный принцип отражает коллективное существование. Соответственно, критерии членства в первом случае могут быть как гражданскими, так и этническими. Для Г. Кона этнические различия, существовавшие в истории с давних времен, являются лишь «этнографическим материалом» для строительства наций. Нации – продукт живых сил истории, они всегда текучи, почему и ускользают от определения. Только недавно они стали центром политической и культурной

¹ Бройи Дж. Подходы к исследованию национализма // Нации и национализм / Б. Андерсон, О. Бауэр, М. Хрох и др. – М.: Праксис, 2002. – с. 223

² Гринфельд Л. Национализм: пять путей к современности. М.: ПЕР СЭ, 2012. – с. 15

жизни. Классик конструктивистской школы Б. Андерсон определяет нацию как воображённое политическое сообщество, и воображается оно как что-то неизбежно ограниченное, но в то же время суверенное. Продолжая это идейное направление, Э. Геллнер выводит понятие нации из неперемного для ее функционирования факта присутствия общей культуры – «системы идей, условных знаков, связей, способов поведения и общения»³, а также обоюдного признания принадлежности к нации со своей стороны. Таковы основные положения более или менее окончательно оформившегося к тому времени конструктивизма: между этносами существуют определённые биологические, лингвистические и прочие различия, но все они являются лишь фундаментом для строительства нации. Наконец, рассмотрим более широкую гипотезу. Э. Хобсбаум в работе «Нации и национализм» начинает с максимально широкой и открытой любым допущениям гипотезы, согласно которой «всякое достаточно крупное человеческое сообщество, члены которого воспринимают себя как «нацию», будет рассматриваться в этом качестве и нами». Кроме того, он подчёркивает роль искусственного конструирования, изобретения и социальной инженерии в процессе формирования наций, а сами нации обусловлены определённым этапом исторического и социального развития. Изучив различные концепции понятия нации, мы можем вывести свое определение – нация является образуемым на этнической основе динамическим сообществом, объединяемым и определяемым политическими и символическими результатами рационального выбора.

Второй параграф, «Политический институт как категория анализа», посвящен исследованию категории института в рамках политической науки, выделению основных особенностей его функционирования согласно логике данного исследования.

Рассмотрим различные взгляды на понятие политического института и некоторые внутренние течения в рамках общего институционального подхода. Многочисленные определения его базируются на истории развития самого

³ Геллнер Э. Нации и национализм – М.: Прогресс, 1991. – с. 35

понятия «института» в контексте социально-политических наук, которое имело место в XVII–XX веках. Хронологически первый подход к рассмотрению института ограничивал его узкой политической составляющей, что было во многом обусловлено отсутствием разработанной социологической (а также политологической) методологии и соответствующего категориального аппарата. Основным содержанием такого понятия института являются объективные административные установления и правовые нормы. Основы были заложены Т. Гоббсом в его труде «Левиафан». Согласно основным положениям «Левиафана», носителем суверенитета и единственным субъектом управления в обществе является целостный государственный аппарат. При подобном подходе совершенно исчезает из виду весь пласт происходящих внутри этого механизма интеракций различных входящих в него сущностей.

Впоследствии этот подход был дополнен социологическим подходом, связанным с работами М. Вебера и Э. Дюркгейма. Здесь институциональным содержанием наделяются не только объективно существующие политические институты, но и их идеальный образ, воплощенный в народных представлениях и политической мифологии. Вебер определял государство как «чистый» институт (сообщество людей, поведение которых основано на рациональных установлениях), а также полагал, что легитимность политических установок обеспечивается не только правом, но и принятыми в обществе обычаями, не закрепленными юридически неформальными практиками, которые мы впоследствии охарактеризуем как институциональные практики. Эмиль Дюркгейм, в свою очередь, определял институты как «некое идеальное образование в виде обычаев и верований»⁴. При этом из виду пропадает крайне важное конструктивистское начало, отвечающее за трансформацию государственных институтов и связанных с ними сущностей. В результирующем статичном образе остается только следствие – по мнению внешнего, в особенности, непрофессионального наблюдателя, относительно единый и рационально действующий организм, стремящийся к достижению

⁴ Геллнер Э. Нации и национализм – М.: Прогресс, 1991. – с. 35

самоустановленных целей. При этом за скобки выносятся межинституциональные социальные связи, создавшие само пространство, в котором государственный аппарат способен действовать и из которого он берет свои цели – институциональная среда.

Третий подход, представленный Д. Нортон, в первую очередь, касается аспекта, который также будет отражен в нашем определении института – формирования институтами всеобъемлющего свода ограничений, структурирующей разумную деятельность общества. Ограничения эти базируются на уже обозначенных в рамках социологического подхода формальных и неформальных практиках, договоренностях и обычаях.

Необходимо также затронуть и понятие политического процесса, определяемое обычно как совокупность динамических изменений в отношениях субъектов. Ядро понятия, переходящее из определения в определение, меняется незначительно и в целом сводится к обозначению некой системы социальных рамок и правил взаимодействия, очерчивающих контуры общественных (и политических, в случае приложения понятия к политической системе) интеракций, означающих «внутреннее» и «наружное» по отношению к этим рамкам. Существует ряд типологий политических процессов, которые необходимо обозначить. Выделяются внутригосударственные и межгосударственные политические процессы: они различаются субъектами и объектами, методами функционирования, особенностями конструирования правового поля. По понятным причинам в данной работе мы будем иметь дело с внутригосударственными политическими процессами. Кроме того, существуют явные и скрытые политические процессы. Явные основываются на публичной сфере: нормативно-правовых актах и риторике формирующих политический курс субъектов государственной политики. Скрытые же приводятся в движение не имеющими должного юридического оформления политическими институтами или социальными группами, взаимодействиями составных частей гражданского общества более низкого уровня и, зачастую, небольшого масштаба. Наконец, выделяются открытые и закрытые

политические процессы. Фактором здесь служит ясность возможной оценки политического процесса по шкале «желательное\нежелательное»: закрытые здесь способны быть оценены однозначно, открытые допускают множественные трактовки.

Так называемый «старый» институционализм концентрировался на изучении формальных политических институтов, оформленных в правовом поле, и был представлен, в том числе, работами В. Вильсона, Дж. Брюса, Т. Коула, Г. Картер, К. Фридриха. Так, Дж. Коммонс в ходе изучения институциональных процессов выделял три вида или уровня власти: физическую власть, «власть насилия, на которой основывается наделение сувереном подданных особыми привилегиями»; экономическую власть, возникающую после того, как «физическая власть начинает регулироваться должными правовыми процедурами» и моральную власть – «власть личного влияния, не поддерживаемого насилием или экономической властью»⁵. Дж. Гэлбрейт иллюстрирует мысль о неоднородности государства и общества по-своему: «планирующая система в своем воздействии на государство опирается на свои возможности для оказания влияния на общественное мнение, на свою способность убеждать законодателей, а также общественность в том, что ее требования совпадают со здоровой государственной политикой»⁶. Р. Хейлбронер по сходному поводу утверждает, что на прогнозы и ожидания человеческого сообщества в конкретной ситуации влияют сущности различного порядка, как-то: «гибкость социальных классов, негибкость социально-экономических порядков, поведение национальных государств и, в конце концов, человеческая «природа»⁷. Д. Эренфельд также предполагал, что в ходе разрешения некоторых общественных диспутов (например, вопросов защиты общей собственности) «требуется внешнее регулирование со стороны

⁵ Коммонс Дж. Р. Правовые основания капитализма. – М.: «Издательский дом Высшей школы экономики», 2011. – с. 77

⁶ Гэлбрейт, Дж. Экономические теории и цели общества. М.: Прогресс, 1979. – с. 310

⁷ Heilbroner, Robert L. An Inquiry into the Human Prospect: Looked at Again for the 1990s. New York: W. W. Norton & Company. – p. 22

государственных ведомств, правительства или международных организаций»⁸. Таким образом, исследователи, работавшие в рамках научной школы «старого» институционализма, преимущественно рассматривали институты как организации и объясняли с помощью этой категории некоторые проблемные аспекты взаимодействия государства и гражданского общества, влияние их друг на друга, вопросы взаимного регулирования деятельности.

Исследователи, работавшие в рамках «старого» институционализма, преимущественно рассматривали институты как организации и объясняли с помощью этой категории некоторые проблемные аспекты взаимодействия государства и гражданского общества, влияние их друг на друга, вопросы взаимного регулирования деятельности. Впоследствии, однако, этот подход сменился так называемым неинституционализмом, в котором присутствует значительное конструктивистское начало. Представляется возможным упомянуть таких экспертов, работавших в русле неинституционализма, как Л. Закер, Дж. Майер и Б. Ройан.

Современный институционализм оперирует понятиями институциональной среды, институционального соглашения и институциональной практики. Пользуясь такой методологией, можно обратиться, к примеру, к рассмотрению нации как живого, изменчивого «института», созданного, согласно конструктивистской теории, путём своего рода общественного договора. С функционированием социальных институтов также связана крайне близкая для нашей конструктивистской логики изучения феномена нации категория рационального выбора, которая может быть определена как «анализ выбора, сделанного рациональными акторами в условиях взаимозависимости».

Эксперты выделяют несколько основных течений в рамках неинституционализма: «исторический, рационального выбора и

⁸ Ehrenfeld David W. Conserving life on Earth. Oxford: 1970. – p. 322

социологический, а также дескриптивный, сравнительной, организационный»⁹. Для приверженцев первого типа наиболее важна история развития и трансформация различных аспектов, свойств и функций того или иного института, способов отношения его с прочими сущностями (например, отношения государства и общества) и прочие изменения в ходе истории. Для сторонников второго (социологического) подхода важнее оказывается значительно более близкое нашей логике изучения нации осмысление многочисленных взаимодействий индивидов в ходе их общего социального взаимодействия, происходящего в рамках структуры общества и вложенных в него сущностей. Происходящие процессы регулируются институциональными нормами и соглашениями, общественными договорами, также возникшими вследствие этих взаимодействий. Все эти связи формируют некий каркас общего институционального консенсуса в обществе, основанный, в первую очередь, на категории целесообразности.

Современный институционализм оперирует несколькими ключевыми понятиями. Среди них: институциональная среда, институциональное соглашение и институциональная практика. Первое обозначает набор «действующих правил» и формальных или неформальных санкций, формирующих существующие де-факто и, возможно, де-юре рамки возможного социального взаимодействия между людьми в тех или иных конфигурациях. Второе понятие обозначает некое политическое образование, организующееся из совокупной воли индивидов и продиктованного ими установления ограничений. Наконец, третье понятие опирается на предыдущие два и служит определением способа реализации институциональных соглашений в связанной с ними институциональной среде, как бы являясь одновременно процессом и пространством действия. Пользуясь такой методологией, можно обратиться, к примеру, к рассмотрению нации как живого, изменчивого «института», созданного, согласно конструктивистской теории, путём своего рода

⁹ Патрушев С.В. Институциональная политология в российской перспективе // Политическая концептология. 2011. №4. – с. 143

общественного договора.

Институциональный подход не впервые применяется к феномену нации. Так, Р. Брубейкер предлагает отказаться от категории «нации», вместо этого сосредоточившись на изучении критериев институционализированности этой сущности. Полагаем возможным вывести следующее определение института, способное помочь нам в раскрытии темы настоящей работы: институт – элемент социальной и политической структуры общества, опирающийся на юридические нормы и общественные конвенции.

Подводя итоги первой главы, следует выделить сформированные в ходе исследования авторские определения этноса, нации и института. Отметим и выявленную необходимость применения институционального подхода при изучении феномена нации в рамках функционирования многоэтнического или многонационального государства. Существующий на практике характер нации (в конструктивистском понимании термина) как воображенного сообщества, в немалой степени построенного на общественном консенсусе о самом факте существования нации, вынуждает нас придерживаться близкой логике нашего исследования теории рационального выбора и общей концепции, согласно которой институциональные среда, соглашения и практики очерчивают рамки допустимого в общественной и политической сфере.

Во второй главе «Практика политического регулирования в сфере межнациональных отношений в современной России» определяются основные практические способы государственного и общественного регулирования межнациональных отношений в Российской Федерации, выделяются основные теоретические концепции, формирующие эту практику.

Первый параграф этой главы, «Государственное регулирование в сфере межнациональных отношений», посвящен различным аспектам государственного регулирования межнациональных отношений в современной России. Немаловажным представляется применение в национальной политике не только административно-территориального, но и этнического, национального подхода. Главный из государственных органов, ответственных

за национальную политику – Министерство по делам федерации, национальной и миграционной политики Российской Федерации – был упразднен в 2001 году с последующей передачей функций управления миграционной политикой в Министерство внутренних дел. При этом представляется очевидным, что национальная политика не сводима к политике миграционной: должна вестись и выработка глобального курса, трансформация теоретических концепций в конкретные положения внутренней политики. Многие специалисты рассматривают сложившуюся ситуацию как «глубочайший кризис» и предлагают свои решения довольно общего характера, при этом нельзя не отметить значительную несогласованность направлений одновременно принятых на том или ином уровне теоретических концепций. Только развитие и сохранение национальных культур, традиций малых и крупных народов является одной из основных непреходящих идеологических линий национальной политики Российской Федерации. Отдельно отметим, что ни одному из народов не приписывается «руководящая» или иным образом выделяемая роль. Одинаково важными целями являются сохранение территориального единства Российской Федерации и мирное сосуществование входящих в нее народов. В.А. Тишков дополняет: «Российский народ-нация – не результат унификации, а объединенное этническое разнообразие».

Впервые идея коллективной российской идентичности – «многонациональный народ России» – была высказана в Конституции в 1993 г. Нацию предполагалось построить «на основе гражданской культуры с сохранением социокультурного разнообразия». При этом экспертами отмечается, что «для народов Северного Кавказа становятся притягательными различные идеи и проекты национально-государственного устройства, будь то на путях выхода из России (к примеру, Чечня) или же [...] сохранить привилегированное положение «титულных» национальностей в республиках [...]»¹⁰. Экстраполируя эти тенденции, мы имеем все основания предположить,

¹⁰ Коркмазов А.Ю. Северный Кавказ в системе геополитических интересов России // Материалы XII региональной научно-технической конференции «Вузовская наука – Северо-

что существующие способы закрепления элементов мультикультурализма не вполне работоспособны, несмотря на гладкость и обтекаемость формулировок большинства региональных национальных концепций. Работа различных государственных органов в данном направлении, как правило, характеризуется количественным подходом, не анализирующим в первую же очередь этноконфессиональный состав акторов-участников конфликта, приведшие к нему факторы и способы предотвращения подобных конфликтов в дальнейшем.

Говоря о национальных республиках, важно упомянуть также о противоречащем концепции многообразного мультикультурного общества равных этносов неравномерном институциональном закреплении национального правового статуса различных народов Российской Федерации. Не будем забывать, что даже представленное политическими нациями население самоопределившихся республик лишено права голоса от лица своего национального сообщества: оно, в отличие от заслуживших адресное обращение различных «малых народов», на федеральном уровне также рассматривается не как нация, а как многонациональное население конкретного региона. Все это мешает осуществлению мультикультурной концепции российской нации как многообразия равных этносов.

Стоит также сказать об ином, практически противоположном направлении концептуального обоснования понятия российской гражданской нации. В.А. Тишков определяет ее следующим образом: «Гражданская нация – это народ в форме согражданства, от имени которого создается государство и действует власть».¹¹ Здесь уже нет места мультикультурным тенденциям, российская нация предстает классическим плавильным котлом, соединяющим многоэтническое население в единую нацию на основе гражданской принадлежности. Важным признаком, противоречащим «мультикультурной»

Кавказскому региону». Том второй. Общественные науки. Ставрополь: 2008. [Электронный ресурс]. URL: <https://dl.dropboxusercontent.com/u/13021893/korkmazov.pdf> (дата обращения: 24.05.2014).

¹¹ Тишков В. Чтобы не было Кондопоги. [Электронный ресурс]. URL: http://www.valerytishkov.ru/cntnt/novye_publicacii/chtoby_ne_.html (дата обращения: 24.05.2014).

тенденции, является подчеркиваемый и здесь безусловный примат надэтнической гражданской принадлежности к российской нации перед этнической самоидентификацией. Концепция, не являясь законом и нося конструктивный идеологический характер, ставила своей целью лишь обозначение приоритетов формируемой национальной политики – создание или переопределение рамок дозволенного, институциональных среды и соглашения. В целом же, существующая Концепция государственной национальной политики, принятая в 1996 году, успела получить некоторую критику даже от вполне лояльных её общему вектору межрегиональных общественных организаций – неприятие данной концепции возникает из-за её предполагаемой нацеленности на создание «общегражданской российской нации»¹² и нивелирование национально-культурных особенностей входящих в неё народов.

Представляется разумным принять за рабочую гипотезу мысль А.Г. Здравомыслова и А.Л. Андреева о том, что в реальности «общероссийское сознание реально проявляет себя не столько как приоритет гражданской идентичности над этнокультурной («общероссийскость»), сколько как комплекс близких друг другу элементов в сознании практически всех живущих на территории России этносов»¹³.

Изучив основные акценты, возникавшие в процессе концептуализации межнациональных отношений в Российской Федерации, следует обратить внимание на отдельные нормативно-правовые акты национальных республик, которые не вписываются ни в одно из них и подвергают сомнению всю национальную политику в целом. Как правило, преференции, предоставляемые титульному населению этих республик (не соответствующие ни идее единой гражданской нации, ни мозаичной структуре равных этносов и культур),

¹² Азанбаев Р.Т., Закиров Р.З. Сохранить конституционные основы этнокультурного многообразия народов Российской Федерации! [электронный ресурс]. URL: <http://mariuver.wordpress.com/2009/08/04/tatary-bashkiry/> (дата обращения: 24.05.2014).

¹³ Здравомыслов А.Г., Андреев А.Л. Российская идентичность и национальное самосознание // Изменяющаяся Россия в зеркале социологии. – М.: Летний сад, 2004. – С. 106

выдаются с помощью инструментов языковой политики как наиболее политкорректного и действенного инструмента этнической сегрегации.

Нам, однако, представляется, что по результатам сравнения перспектив проектов «мультикультурной» России и России как мононационального государства единой гражданской нации, первый представляется более реализуемым. Для полноценного выполнения этой программы необходимо массовое самоопределение живущих в России этносов и возникновение национальных республик в местах их компактного проживания. Однако даже эти немалые свершения выглядят более реализуемыми по сравнению с титанической задачей по формированию единой гражданской нации.

В целом, перспективы государственного регулирования межнациональных отношений выглядят не так обнадеживающе. Во-первых, наблюдается отсутствие четкой и единой концепции, влекущее за собой неясность действующих институциональных соглашений в данной сфере. Во-вторых, не слишком согласованно выглядит и сам институциональный государственный аппарат, работающий с различными аспектами внутригосударственной межнациональной политики. Создается впечатление, что существующие органы нередко редуцируют вопросы взаимодействия этносов и наций до нетождественных им попыток урегулирования абстрактных конфликтов административными методами.

Во втором параграфе второй главы, «Роль институтов гражданского общества в регулировании межнациональных отношений», раскрываются перспективы влияния институтов гражданского общества на процессы регулирования межнациональных отношений.

Партии, с одной стороны, непосредственно встроены в систему государственного управления, являясь опорой законодательной власти (в тоталитарных государствах полностью сращиваясь с государственным аппаратом), а с другой стороны являются частью гражданского общества, выполняя функции представительства интересов определенной части граждан государства. По определению Дж. Вашингтона, партии «дают фракциям

искусственную и необычайную силу, заменяя делегированную волю нации волей партии – подчас малого, но искусного и предприимчивого меньшинства»¹⁴. При этом партии служат делу совмещения государственного аппарата и гражданского общества, обеспечивая и социальные лифты для желающих участвовать в политических процессах, и объединение массы вокруг партийной программы и аппарата, а также последующее выражение совокупной консенсусной воли членов партии на государственном уровне. Партии «определяют рамки общественного консенсуса вокруг национальной политики, правила разрешения конфликтов между противостоящими политическими силами»¹⁵. Это сближает механизм функционирования партий с рассмотренной нами институциональной структурой общества и государства, позволяет выявить точки соприкосновения этих систем и примерный процесс встраивания партийной системы в общий институциональный механизм.

Политические партии в России могут участвовать в национальной политике лишь опосредованно. Не только буква, но и дух закона открыто воспрещают строительство национально-ориентированных партий – так, бывший председатель Конституционного суда Российской Федерации В.Д. Зорькин утверждает, что «привнесение в сферу политической борьбы за власть дифференциации по этнорелигиозному признаку чревато расколом общества»¹⁶. При этом на наш взгляд, со стороны партий возможно было бы просто обращаться к «малой» национальной и этнической идентичностям по имени, упоминать их как объективно представленные в том или ином регионе сущности, субъекты и объекты национальной политики. Среди множества функций института партии существенной для нас является функция

¹⁴ Washington, G. Farewell Address 1796. [Электронный ресурс]. URL: http://avalon.law.yale.edu/18th_century/washing.asp (дата обращения: 24.05.2014).

¹⁵ Центр политических технологий Партийная система и перспективы политического плюрализма в России. [Электронный ресурс]. URL: http://politcom.ru/tables/analit_mak.doc (дата обращения: 24.05.2014).

¹⁶ Зорькин В.Д. Партии, созданные по национальному признаку, опасны для России. [Электронный ресурс]. URL: <http://actualcomment.ru/news/49065> (дата обращения: 24.05.2014).

коммуникации, обеспечивающая также описанную выше связь институтов государства и гражданского общества. Это способствует повышению равновесия общей социально-политической институциональной системы, поступлению новых кадров и идей в государственные органы и снижению угрозы социальных взрывов.

Считаем возможным рассмотреть программы основных парламентских партий в поисках заявлений относительно специфики межнациональных отношений в стране. В целом, «Единая Россия», несмотря на консервативную самоидентификацию, практически не касается традиционно близкого к ней по ряду причин национального вопроса. В «Справедливой России», по нашему мнению, первое место отдано именно пропаганде мозаичного этнонационального устройства России. Однако это делается в рамках административно-территориального подхода – без учета национальной специфики. КПРФ по вопросу национальной политики имеет одну из самых слабо разработанных программ, что в какой-то степени укладывается в рамки «левого» увлечения экономическими вопросами. ЛДПР отмечает общую бесцельность лежащих в русле политики мультикультурализма попыток адаптации иноэтничного потока мигрантов, есть у ЛДПР и начала концепции формирования единой гражданской нации. ЛДПР вполне способна аккумулировать политическую волю своего электората, однако ее программные положения представляют собой популистский этнонационализм довольно примитивного уровня. В целом же, партийные проекты системы межнациональных отношений, к сожалению, пока не являются достаточно проработанными и проигрывают в сравнении с позицией правительства. Кроме того, они, как правило, вообще существуют только на высшем, общефедеральном уровне – с некоторыми оговорками ни одна из партий практически не пытается обратиться к тому или иному внутреннему российскому этносу или нации напрямую.

Большое значение для локальной институциональной практики межнациональных политических процессов имеют и органы местного

самоуправления, а также региональные подразделения федеральных органов. Эксперты отмечают недостроенность региональной системы регулирования межнациональных отношений, подчеркивая при этом роль органов местного самоуправления. Закрепленный законами принцип прямой ответственности муниципальных властей за проявления национальных конфликтов, зачастую зарождающихся на федеральном уровне, выглядит как способ переложения ответственности на местных чиновников. При этом стоит также подчеркнуть преимущественно недискуссионный и неизбираемый характер функционирования тех немногих региональных органов, способных оказывать влияние на межнациональные политические процессы. В то же время сами регионы, неспособные напрямую влиять на федеральный вектор национальной политики, имеют весьма мало рычагов для снятия этого напряжения и восстановления контроля над ситуацией.

Предполагается расширить использование институтов гражданского общества: вероятнее всего, под институтами гражданского общества понимаются национально-культурные автономии. Этот институт, крайне полезный для необходимого в условиях мультикультурности представительства интересов различных этносов, относится скорее к области культуры и языка, а не экономической и политической сфере. Кроме того, отдельно подчёркивается, что «право на национально-культурную автономию не является правом на национально-территориальное самоопределение». Несмотря на существование системы региональных консультативных и экспертных советов по межнациональным отношениям и взаимодействию с национальными организациями, на момент написания статьи не существует подлинно всестороннего и эффективного, связанного с институтами гражданского общества механизма реализации концепции государственной национальной политики, что отмечается и различными экспертами, в том числе государственными служащими. Для расширения возможностей общественного контроля межнациональных отношений возможным представляется наделение института национально-культурной автономии дополнительными функциями.

Так, можно было бы усилить их консультационные полномочия на муниципальном и региональном уровне, чтобы выраженный посредством института национально-культурной автономии результат рационального выбора представленного ей этноса мог быть легче учтен при формировании курса местной политики.

В заключение можем отметить, что правительство Российской Федерации продолжает действовать скорее административно-территориальному, а не этническому подходу. Также неудовлетворительной представляется отрицательная динамика развития этих органов, ликвидация профильного министерства. Все это служит подтверждением относительной неэффективности государственного регулирования. Виной тому, в первую очередь, несогласованность практических принципов проведения национальной политики с теоретическими концепциями (фактическое отсутствие полномочий или политической воли у национально-культурных автономий, региональных властей и связанных с правительством институтов гражданского общества).

В то же время институты общественного регулирования нередко оказываются эффективнее в деле выражения интересов различных наций в многонациональном государстве – не в последнюю очередь тому способствует принципиально выборной их характер. Однако и они в данный момент используются не в полной мере: так, отсутствуют попытки обратиться к тому или иному этносу или нации адресно. Упрочение механизмов и институтов общественного регулирования межнациональных отношений, по нашему мнению, способно сгладить основные проблемные моменты и уменьшить вероятность возникновения в нашей стране локальных конфликтов на национальной почве.

В заключении подведены итоги диссертационного исследования, сформулированы основные положения и выводы работы.

**Основные положения диссертации изложены в следующих публикациях:
Статьи, в рецензируемых научных журналах, определенных ВАК:**

1. Трусов М.А. Перспективы и институциональная платформа развития национальной политики Российской Федерации после 2012 года // Вопросы управления. 2013. №3. С. 36-43
2. Трусов М.А. Бельгийские политические партии как фактор влияния на взаимоотношения субъектов федерации // Социум и власть. 2013. №3. С. 40-45
3. Трусов М.А. Об особенностях использования теоретических концепций этноса и нации в российской национальной политике // Социум и власть. 2014. № 2. С. 62-67

Статьи в сборниках научных трудов, журналах и материалах докладов научно-практических конференций:

4. Трусов М.А. Роль Совета по межнациональным отношениям при Президенте Российской Федерации и Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации до 2025 года в разработке национальной политики государства // Вестник Челябинского государственного университета. Политические науки. Востоковедение. Выпуск 14, №34 (288) 2012. С. 66-70
5. Трусов М. А. Роль нормативно-правовых актов, государственных и гражданских институтов в регулировании межнациональных отношений, связанных с северокавказскими республиками Российской Федерации // Вестник Челябинского государственного университета. Политические науки. Востоковедение. Выпуск 13, № 33 (287) 2012. С. 51-59
6. Трусов М.А. Влияние нормативно-правовых актов, государственных и гражданских институтов на региональные политические процессы // Актуальные проблемы российского регионализма: областническая идеология и культурология в истории и современной философской и общественно-политической мысли: материалы Всероссийской молодежной научной конференции (Омск, 5-7 сентября 2012 г.). – Омск: Изд-во Омского гос. ун-та, 2012. – с. 98-101
7. Трусов М.А. Проблемы федерализма в Бельгии // Общество и этнополитика: материалы пятой международной научно-практической Интернет-конференции, 1 апреля - 1 мая 2012 г. – Новосибирск: Изд-во СибАГС, 2012. – с. 304-309
8. Трусов М. А. Факторы развития процесса роста напряжённости между Фландрией и Валлонией в рамках федеративного государства Бельгия // Придніпровські соціально-гуманітарні читання: Матеріали Бердянської сесії I Всеукраїнської науково-практичної конференції з міжнародною участю (м. Бердянськ, 22 вересня 2012 р.): у 5-ти частинах. – Д.: ТОВ «Інновація», 2012. – ч. 5. – с. 157-159